

Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты
Материал « круглого стола»

"КАПИТАЛИЗМЫ" ТОЖЕ БЫВАЮТ РАЗНЫМИ

Сейчас единое стремление едва ли не всей нашей страны, во всяком случае, всей ее социально-активной части — как можно быстрее "построить капитализм". В новой и "перевернутой" форме возрождается старый и характерный не только для нашей страны идейно-психологический комплекс — представление об ужасном прошлом (раньше это был царизм и капитализм, теперь — социализм и власть большевиков), трудном переходном периоде и грядущем после него земном рае, на этот раз капиталистическом. Мне думается, что даже цифра 500 в программе 500 дней не случайна, а связана с памятью о пятилетках.

У меня нет никаких сомнений, что перед нами сейчас лишь один путь — к рынку, к свободной экономике, где хозяйственная деятельность людей не будет сковываться догматическими представлениями о правильной экономической организации. Но все же мне думается, что мы связываем с рынком несколько преувеличенные ожидания. Я никогда не мог понять из наших статей о рыночной экономике, почему под ней всегда подразумевают экономику США, Канады, ФРГ, а не Перу, Гаити или Верхней Вольты. Неужели то, что мешает Перу стать процветающей страной — это отсутствие рынка? Мне думается, что в наших рассуждениях о рынке мы систематически недооцениваем роль культурного фактора. Рынок эффективно работает, очевидно, лишь при культурной и психологической готовности к ответственному, честному рыночному предпринимательству, наличию или возникновению в культуре каких-то аналогов веберовского "бескорыстного" капитализма. Без наличия этих культурных основ рынок может стать источником не обогащения народа, а его нищеты, и обогащения уголовников типа колумбийской мафии. Наконец, лишенная этих основ культура может просто не вынести, не выдержать свободного рынка, даже если он и производит экономический эффект, и отторгнуть его, как это произошло в нашей русской истории.

Похоже на то, что для жизненного уровня народа наличие этих культурных основ эффективной рыночной экономики даже важнее, чем наличие самого рынка. Рынок может быть в силу каких-либо исторических причин ликвидирован, но если сохраняются эти культурные основы, сохраняется в громадной мере и жизненный уровень.

Можно привести множество примеров, иллюстрирующих сравнительное значение культурных факторов, создающих основу здоровой рыночной экономики, и самого рынка. Различие в жизненном уровне ГДР и ФРГ — это, очевидно, следствие различий в социальном строе, но различие жизненных уровней ГДР и России или Польши — это уже никак не следствие различий в социальном строе, это — следствие различия культур. Превосходство Финляндии над Эстонией, вполне возможно, превосходство строя. Но превосходство эстонского колхоза над соседним псковским никак не объяснимо различиями в строе. Строй у них — один.

С народом, в культуре которого выработано отношение к труду, как долгу перед Богом, обществом и самим собой, у которого есть представление о некоем обязательном уровне чистоты, порядка, образования, жить без которых просто нельзя, — вы можете сделать все, что угодно, он все равно быстро восстановит свой жизненный уровень. Вы можете разбить его в войне, ограбить, выселить с земель, на которых сотни лет жили его предки, искусственно разделить его между двумя разными государствами и заставить одно из этих

государств жить по-социалистически, как мы это сделали с немцами, — все равно пройдет какой-то период времени и немцы будут жить лучше, чем русские и поляки. Вы даже можете их голыми и голодными выбросить в казахской степи — и те, кто уцелеет, создадут колхозы лучшие, чем русские и казахские. При этом роль культурного фактора очень устойчива. Как в XVIII веке немецкий крестьянин жил лучше русского и польского, так это было и в XIX веке и в XX в., и, скорее всего, будет, чтобы ни говорил Л. Валенса о превращении Польши во вторую Японию и чтобы ни говорили многие наши теперешние политики, что все наши беды — от большевиков и социализма, и в XXI веке. Революции и контрреволюции тут значат очень мало. Для того, чтобы нация совершила "рывок", вышла из своего места в устойчивой иерархии жизненных уровней наций, нужно что-то иное, чем революция или контрреволюция — нужны глубокие изменения в культуре, — которые зачастую никак не связаны с внешними социально-политическими изменениями. Это — не шумные, а "тихие" революции. "Рывки" Тайваня, Южной Кореи, Сингапура — это революции "тихие", но, очевидно, более глубокие, чем совершаемые под барабанный бой революции, провозглашающие социализм или капитализм.

И даже эти "рывки" отдельных стран, на наш взгляд, говорят о громадной роли культурного, мотивационного фактора. Дело в том, что они, насколько можно судить, связаны с "рыночной переработкой" уже наличествующих в культуре предпосылок. Немыслимое трудолюбие китайца, его громадное чувство долга перед семьей и страной базировались на совсем иных основаниях, чем веберовский "дух капитализма". Но они создавали основу для "переработки" в национальный аналог этого "духа", когда китайцы "попадали" в устойчивую современную рыночную среду. Наверное, то же — с японской феодальной честью и чувством долга, которые перерабатываются в долг работника перед фирмой, а фирмы — перед работником. В 60-е — 70-е гг. резко возрос жизненный уровень сикхов в Индии. Это произошло в результате "зеленой революции", создания новых сортов риса и пшеницы, дающих десятикратные приросты урожая. Но и здесь важнейший фактор — культурно-мотивационный. Дело в том, что сорта эти — очень "капризные", дающие эффект лишь при условии высочайшей культуры земледелия. Сикхи же всегда были прекрасными земледельцами, что связано с особенностями их веры, их высокой (хотя совсем не в "веберовском" духе) традиционной трудовой этикой. Гуру Говинд отказался пить воду из ладоней юноши, у которого не было мозолей — об этом знает каждый сикх. И только поэтому они и смогли воспользоваться открывшейся перед ними возможностью. Иногда культурно-мотивационная основа эффективного рынка — очевидна, иногда она — неясна. С чем, например, с какими культурными процессами связаны успехи современных Италии или Турции? Но наверняка и здесь дело не просто в рынке, а в "рыночной" переработке культуры, выработке адекватных рынку мотиваций.

При этом формы, в которых народы входят в современную рыночную экономику, могут быть такими же разными, как различны культурные основы их трудовых мотиваций. Честный рыночный труд японца базируется на иных мотивациях, чем честный труд американца. И японская корпорация — это не американская корпорация. Каждый народ создает адекватные ему формы рыночного хозяйства (как и адекватные ему формы политической демократии) и то, что прекрасно "работает" в одной культурной среде, "ломается" в другой культурной среде или отторгается ею. Израильский киббуц невыносим в Европе или в Америке, здесь он — хозяйственный абсурд. Но в Израиле-то он — совсем не абсурд.

Свободная рыночная экономика не может принести успех "автоматически". Прочный успех в ней может принести лишь выработка адекватных ей, ее правилам и одновременно соответствующих культуре народа рыночных трудовых мотиваций, адекватных ей и соответствующих культуре народа форм хозяйственной жизни. В современном мире к

свободному рыночному хозяйству выходят все, но одни — легко и быстро, другие — мучительно и трудно, и все выходят своими путями, вырабатывая свои формы хозяйственной жизни. В этой всемирной школе каждый ученик — неповторимая индивидуальность, и есть такие ученики, у которых дело идет очень плохо.

Если исходить из сказанного выше, наше современное рыночное развитие представляется весьма сложным. В дореволюционной России, насколько я представляю себе, рыночное капиталистическое предпринимательство особенно успешно развивалось у некоторых религиозных групп, "ушедших" от крепостного права и выработавших очень высокую трудовую этику — старообрядцев, молокан, духоборов. У основной массы населения, очевидно, трудовые мотивации были слабее (крепостное право также не могло способствовать выработке трудовых мотиваций, как мешало их выработке у американских негров рабство) и главное — носили совершенно не "рыночный" характер. Здесь существовало громадное неприятие капиталистического рынка — один из источников нашей революции. Революция уничтожила "анклавы" высоких рыночных, капиталистических мотиваций. Она создала очень высокие трудовые мотивации, но совсем другого типа — на основе традиционных для России, но совсем не "рыночных" мотивов общинного коллективизма, преданности государству на основе коммунистической идеологии. Эти мотивации сейчас тоже рухнули вместе с гибелью поддерживавшей их идеологии.

Наша социалистическая система хозяйства держалась на догме и вере и рухнула вместе с догмой и верой (а до этого разлагалась и гнивала вместе с догмой и верой). И как нет пути назад — к прежней вере, так нет и пути назад к социалистической системе. Путь есть только вперед, к свободной, не основанной на догме, рыночной экономике. Но, мне думается, падение нашего социализма породило сейчас культурный и психологический "шок". Отбросив старую, социалистическую трудовую мораль, мы не выработали и, похоже, не вырабатываем никакой другой. Создается впечатление, что основная мотивация наших бизнесменов — это просто стремление "нахапать". И не только бизнесменов. Некоторые наши политики думают прежде всего о том, как бы добыть кредиты, как бы сделать так, чтобы получить с бывшей братской республики побольше, а дать ей поменьше, как бы завладеть союзной собственностью и собственностью КПСС. Думают порой не столько об увеличении общественного богатства, сколько о дележе этого уменьшающегося богатства. При этом господствует идея, что капитализм и рынок сами собой принесут богатство.

Мне думается, что на такой идейной и психологической основе, несмотря на все наше "головное", идейное устремление к капитализму, никакого эффективного рыночного хозяйства не создашь. Можно построить лишь "мафиозно-коррупционный" капитализм, основанный на нищете народа. Ибо если богатство индивида и может быть добыто "хапаньем", богатство народа может быть создано лишь трудом. Эффективный рынок будет у нас только тогда, когда сформируются адекватные и рынку и нам, нашей культуре, мотивации рыночного предпринимательства, когда образцом для подражания станет частный, но обязательно честный, рыночный предприниматель, работающий не для того, чтобы "нахапать", но из чувства долга и потребности в труде, когда мы выработаем свои, не американские и не японские, а российские формы рыночной экономической жизни. Все это нельзя "выдумать", это должно "вызреть", возникнуть само. И может быть, это скорее "вызреет", если мы преодолеем современные оргию наживы и опьянение идеей капиталистического рынка, как магического средства, которое само собой решает все проблемы, как раньше их у нас решало другое магическое средство — социализм.